

УДК 343.98:343.326

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ТЕРРОРИЗМА

Черный Г. А.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Национального университета
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков

Аннотация: В статье рассмотрены основные вопросы развития понятия «терроризм», «террор» в целом на основных этапах развития человечества и современного общества. Автором предлагается краткое исследование и правовой анализ указанных дефиниций.

Ключевые слова: преступление, терроризм, личность преступника.

Анотація: У статті розглядаються основні питання розвитку понять «тероризм», «терор» в цілому на основних етапах розвитку людства та сучасного суспільства. Автор пропонує коротке дослідження та правовий аналіз зазначених дефініцій.

Ключові слова: злочин, тероризм, особа злочинця.

Annotation: This article provides basic information about the development of the concept of «terrorism», «terror» as a whole on the major stages of human evolution and modern society. The author offers a brief research and legal analysis of those definitions.

Key words: crimes, terrorism, criminal identity.

Понятие терроризма определяется как политика и тактика террора, а **террор** (от лат. **terror- страх, ужас**) как политика устрашения, подавления политических противников насильственными средствами.

Уголовно-правовая основа элементов криминалистической характеристики терроризма предусмотрена непосредственно: ст. 258 УК Украины – Террористический акт; ст. 258-1 УК Украины – Вовлечение в совершение террористического акта; ст. 258-2 УК Украины – Публичные призывы к совершению террористического акта; ст. 258-3 УК Украины – Создание террористической группы или террористической организации; ст. 258-4 УК Украины – Способствование совершению террористического акта УК Украины. [12, с. 157].

Рассматривая вопросы предистории развития дефиниции «терроризм» и «террор» в целом, как слова синонимы, необходимо отметить, что на различных этапах развития цивилизации и современного общества конкретно они имели различное толкование (значение). Кроме этого, они отличались подходом государства и/или правящего класса к наполнению их политической сущностью и целесообразностью применения в зависимости от сложившейся конъюнктуры.

Истоки терроризма некоторые ученые [7, с. 7] обнаруживают начиная с Библии и рассматривают в качестве примера террористических актов посланные нашим Создателем кары на земли Египта, именуемые как «Казни Египетские» (Ветхий Завет, кн. Исход 5:12).

Согласно Ветхому Завету, объектами «Казней Египетских» стали все жители и природные ресурсы – вода, растительность, урожай сельскохозяйственных культур, животные. Люди и скот в массовых количествах гибли от отравления водой, превращенной в «кровь», страдали от

нашествия жаб, мошек и песьих мух. В результате насланной на страну «моровой язвы» произошел массовый падеж скота.

Поражение людей, животных, «травы полевой и деревьев» градом и огнем (скорее всего это была молния) довершила саранча, от которой «Земли не было видно, поела траву земную, все плоды древесные...». Последней «казнью» или террористическим актом стало массовое убийство «ангелом-губителем» или «истребителем» (Евр.11.28, Числа 14.37) всех первенцев в земле Египетской – «от первенца фараона до первенца узника в тюрьме, и все первородное от скота». В результате «... не было дома, где не было мертвеца», но при этом надо заметить, что ни один из описанных актов не затронул район Египта Гесем, где проживали сыны Израилевы.

В результате вышеизложенных действий были применены биологические, бактериологические, экологические, химические средства массового поражения для устрашения фараона, державшего в рабстве еврейский народ.

Особое внимание заслуживают слова Моисея: «А если не отпустишь народа Моего, то вот, Я пошлю на тебя и на рабов твоих, и на народ твой, и в дома твои песьих мух, и наполнятся дома Египтян песьими мухами и самая земля, на которой они живут; и отделю в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой, и там не будет песьих мух... Я сделаю разделение между народом Моим и между народом твоим» (Исход 8.21-23).

В вышеизложенных словах четко и недвусмысленно прослеживается ортодоксально классическая модель мирового терроризма, которую можно проследить в следующей схеме: *выдвижение определенных требований – угроза применения насилия – отказ от выполнения выдвинутых требований – практическое осуществление насильственных действий.*

За все время существования человечества природа терроризма, насилия над близким коренным образом не изменилась, а лишь приобрела все более злоеущие

и циничные формы своего выражения в зависимости от поставленных целей и решаемых в связи с эти задач.

Особо показательным является применение террора в эпоху Великой французской революции.

По своей сути и значению это был первый исторический опыт для социальной диктатуры и террора, которому положила самая прогрессивная и демократическая на то время якобинская конституция 1793 года. Один из ее основателей М. Робеспьер провозглашал целью общества «всеобщее счастье» и объявлял такие естественные и неотъемлемые права человека как свобода, равенство, безопасность и собственность. Кроме общепризнанных на сегодняшний день прав была заложена «мина медленного действия» в виде права человека на «сопротивление угнетению», т.е. фактически право на восстание, «когда правительство нарушает права народа». М. Робеспьер оправдывая упразднение законности, как неспособную защитить революцию, высказывал следующее мнение: «Если в мирное время народному правительству присуща добродетель, то в революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели [13, с. 332].

В историческом смысле рассматриваемого времени «террор» рассматривался как устрашительные меры революционного правительства в борьбе с контрреволюцией вообще, а также с противниками как слева, так и справа.

Сама организация осуществления террора сложилась постепенно: он осуществлялся в центре Комитетом общественного спасения и Комитетом общественной безопасности, а на местах комиссарами Конвента и революционными комитетами. Террор служил не только средством борьбы с монархической и жирондистской контрреволюцией и спекулятивными нарушениями закона о максимуме, но стал применяться также против пролетарских и полупролетарских элементов, пополнивших ряды бешеных. С развитием весной 1794 года фракционной борьбы среди якобинцев, стоявшие у власти робеспьеристы стали пользоваться средством террора по отношению к сторонникам Гебера и Дантона.

Применение террора обосновал и близкий друг, соратник М. Робеспьера О. Сен-Жюст в докладе перед Конвентом 10 октября 1793 года. «Если бы заговоры не вносили смуту в нашу державу, если бы родина не становилась тысячу раз жертвой нисходительности законов, было бы приятно управлять на основании принципов мира и естественной справедливости, но эти принципы приложимы лишь к друзьям свободы: у народа и его врагов не может быть ничего общего, кроме меча. Там, где нельзя управлять на основе справедливости, надо применять железо: нужно подавить тиранов» [5, с. 154-155].

Эпоха террора закончилась с падением Робеспьера и робеспьеристов 9 термидора.

Как хорошо видно в данном исследуемом историческом отрезке террор, как средство борьбы,

применялся не только к врагам французской революции, но и на конечном своем этапе осуществления самой революции напрямую коснулся и активных ее участников.

Наиболее интересным для понимания природы террора и терроризма в целом является период Великой октябрьской социалистической революции и становление Советского государства на рубеже 1917-1921 годов.

Понятие «террора» и терроризма вообще в рассматриваемый период трактуется как «метод революционной борьбы, заключающийся в расправе с политическими противниками, проявляющими враждебную активность» [3, с. 157].

Идейные основоположники коммунизма К.Маркс и Ф. Энгельс, а затем и В.И. Ленин [2, с. 574-779] не отрицали целесообразности массового террора как определенной формы революционного насилия, ибо «имеет одно средство сократить, упростить, сконцентрировать родовые муки старого общества – революционный террор» [4, с. 389-395].

Революционные марксисты однако решительным образом возражали против индивидуального террора и против превращения террора как «одного из военных действий, которое может быть вполне пригодным и даже необходимо в известный момент сражения в самостоятельное и независимое от всякой армии средство единоличного нападения» [2, с. 573-577].

Революционная социал-демократия именно потому и высказывалась против эсеровского терроризма, что он шел в ущерб массового движения трудящихся и массовым выступлениями.

В проекте резолюции ко 2 съезду РСДРП «О терроре» прямо указывалось: «...съезд решительно отвергает террор, то есть систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы...» [14, с. 766].

Но когда на повестку дня конкретно встал вопрос о вооруженном восстании, Владимир Ильич Ленин «требовал от большевистских организаций перехода к массовому террору» в связи с тем, что пришла пора того действительного массового террора» [10, с. 92].

Для пролетарской революционности в рассматриваемый промежуток времени характерным является применение массового терроризма как одного из средств классовой борьбы. Не уничтожение порочных людей и даже классовых врагов является целью пролетарского терроризма, а устранение (и, когда нужно, уничтожение) опасных для защищаемого пролетариатом общественного строя людей [6, с. 768].

Красный террор был провозглашен только тогда, когда буржуазные и соглашательские элементы, поддерживаемые иностранным капиталом, смогли сплотить силы контрреволюции и направить их против власти трудящихся.

В заключении, вышеупомянутый словарь полностью раскрывает природу и сущность «пролетарского террора» определяя, что «в принципе диктатура пролетариата не отказывается от террора, когда это требуют соображения целесообразности в классовой борьбе, пролетарское государство применяет террор без всяких колебаний» [6, с. 769].

Историк Кораблев Ю.И. отмечает, что «после победы Октябрьской революции советская власть в течении восьми месяцев не прибегала к расстрелам по суду или без суда своих политических противников» [1, с. 122].

В период, когда при достигнутом укреплении Советской власти сопротивление классовых врагов пролетариата ослабевало, и уменьшалась деятельность контрреволюционных сил, ослабевало и применение красного террора. Так, Декретом от 17 января 1920 года была отменена высшая мера наказания – расстрел по отношению к врагам Советской власти, т.е. юридически красный террор закончился, но фактически продолжал применяться действующей властью на протяжении всего периода ее существования.

Особый исторический интерес и глубокое понимание вопроса детерминации понятия «террора» вызывает дефиниция «белого террора» на рубеже 30-40х годов. «Белый террор – методы расправы буржуазных правительств с революционным движением трудящихся путем разгрома организаций рабочего класса, прежде всего коммунистических партий, путем массовых арестов, каторжных приговоров и убийств революционных деятелей. Применяя белый террор, реакционная буржуазия рассчитывает обезглавить революционное движение, утратить трудящихся и заставить их безропотно нести гнет капиталистической эксплуатации.

На белый террор контрреволюционеров Советское Правительство ответило красным террором – массовыми репрессиями против буржуазии и ее наймитов-эсеров. Враги народа, агенты иностранных разведок – троцкисты-бухаринцы злодейски убили Кирова, Куйбышева, Менжинского, Максима Горького. Бухаринско-троцкистские изверги были расстреляны по приговору советского суда» [12, с. 569-57].

В этом случае следует безусловно согласиться с мнением Д.В. Ольшанского [8, с. 34], который утверждает, что психологическая сущность террора остается почти неизменной. Меняются по сути дела, только один психологический компонент: мотивы совершения террористического акта или же осуществления террора в целом. Поскольку оценивать принято не по поступкам, по тем мотивам, возникает своеобразный психологический механизм оценивания. Оценивается не столько то, что совершено, сколько то, во имя чего оно совершено. Далее это соотносится с тем, насколько приемлемым вы сами считаете совершенное. Именно это и оформляется на языке той идейно-нравственной риторики, которой вы оперируете и с помощью которой манипулируете массами.

Вот почему один и тот же поступок в одинаковой степени может считаться и высшим благом, подвигом во имя народа, идеи или Отечества, и уголовно наказуемым преступлением против человечества.

В период так называемого «развитого социализма» интерпретация понятия «террор» и «терроризм» коренным образом претерпела фундаментальные изменения.

Терроризм рассматривался уже как «...международный, насильственный акт, совершаемый при содействии или попустительстве государства против лиц или объектов, находящихся под защитой международного права, их дипломатических и других представительств, взрывы помещений, посольств и международных представительств, организаций национально-освободительных движений, штаб-квартир международных организаций, разрушение международных транспортных систем» [11, с. 1318-1319].

Вместе с изменением восприятия сущности «терроризма» и «террора» шло и изменение их формы, содержания и направлений действий. Терроризм как социально-политическое явление не находится в статическом состоянии, а имеет прогрессирующую тенденцию к динамике возрастания не только в количественном составе, но и прежде всего качественном.

Одной из фундаментальных проблем исследования терроризма является разработка его понятийного аппарата, определение и установления его признаков. Решение этой задачи должно обеспечить нахождение четких правовых критериев, позволяющих отграничить терроризм от иных сходных преступлений, уголовных правонарушений (общественно опасных деяний).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кораблев Ю.И. Гражданская война 1918-1920 годов: новые подходы // страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / под общ. ред. А.Т. Кинкулькина; сост.: Г.В. Ключкова и др. – М., 1989.
2. Ленин В.И. Сочинения. 2-е изд. М. – Л., 1929. Том IV. С чего начать.
3. Малая Советская энциклопедия. АО «Советская энциклопедия». – Москва, 1930. – С. 767-770.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. VI-VII. М.-Л., 1930 (статья из «Новой рейнской газеты»).
5. Манфред А.З. Великая французская революция. – М.: Наука, 1983. – С. 154-155.
6. Малая Советская энциклопедия. АО «Советская энциклопедия». – Москва, 1930. – С. 768.
7. Нечипоренко О.М. От первенца фараона до наших дней // Советник президента. – 2002. – №2. – С. 7
8. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – С. 34.
9. Политический словарь. – М.: Госполитиздат, 1940. – С. 569-57-.
10. Современный терроризм. Учебное пособие для высшей школы // Под общей ред. проф. Горлача Н.И., проф. Требина М.П. – Х., 2006. – 92с.
11. Советский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. М. «Советская энциклопедия». – 1983. – С. 1318-1319.
12. Уголовный кодекс Украины. Харків. «Право». – 2010.
13. Vellay C. Discours et Rapports de Robespierre. – P., 1908. – P. 332.
14. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления, ф. 393, оп. 4, ед.хр. 51.